Ж А Ж Д А

1. Время такое, что в театре ни репетиций, ни зрителей нет, а в фойе оживленно. Что случилось? Давайте послушаем, о чем говорят артисты между собой. Хотя бы вот эти, стоящие у окна. Владимир Соловьев беседует с Димой Гошевым — секретарем комсомольской организации театра.

Соловьев. — Дима, присылайте открытки, просто открытки. Об интересном...

Дима. — Приедем, расскажем...

Соловьев. — Нет, вы меня не поняли, мы хотим быть с вами все время.

Дима. — Обещаю, Владимир Романович, буду писать.

Соловьев. — Спасибо. А я обещаю все, что вы мне напишете, сообщать товарищам, остающимся в Москве...

Сегодня все сотрудники пришли в театр, чтобы проводить своих товарищей на целину со спектаклем «Так и будет». Нас восемнадцать. А мы — это артисты Театра имени Ленинского комсомола.

В фойе, где так привычно видеть модные платья и каблучки-шпильки, мелькают стеганые ватники и кирзовые сапоги. Зрелище изумительно...

2. В Целинограде мы вышли из вагона в меховых шапках, шубах, приготовившись принять на себя бури, метели, а увидели синее небо над головой, яркое солнце. Шофер Ваня, который вез нас в автобусе, обернувшись к нам, сказал: «Что, товарищи артисты, вы думали, что здесь у нас, как у Пушкина:

*Буря мглою небо кроет,
вихри снежные крутя...*

или как у Блока:

*Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!*

Прямо с вокзала едем в Вишневогорский район, в совхоз «Ижевский». Там, как нам сообщили, сегодня праздник.

3. Вот и степи. Когда увидели бегущую нам навстречу бескрайнюю ширь полей, то все подумали об одном: остановиться бы, сойти на землю...

Так вот ты какая, легендарная, героическая земля! Много слышал о тебе, много, а вижу впервые... Говорят, когда первые лемехи плуга вгрызлись в тебя, то у трактора не хватило сил, а когда два трактора стали вести первую борозду, лопнул лемех. Это легенда-быль, легенда-правда. Тебя еще называли «залежной». Да, залежалась ты. Пора проснуться тебе, встать, сказал человек, и поднял с вековой постели...

Ваня шофер, видя, что артисты разбрелись по степной равнине, дал несколько сигналов и крикнул:

— Ехать надо! Евдокия Андреевна, она шутки не шутит, у них открытые Дворца культуры.

4. Целина уже имеет свою историю, свои традиции. С одной замечательной традицией мы познакомились в пути. Я бы назвал ее так: человек человеку брат.

На дорогах там не «голосуют», не просят «подбросить». Любая машина, догнав путника, останавливается, и следует вопрос шофера:

— Куда?

И если по пути — распахивается дверца машины...

Среди вошедших была молодая казашка с полугодовалым сыном. В набитом до отказа людьми автобусе малыш тотчас уснул у нее на руках. Я спросил:

— Давно на целине?

— Родилась здесь.

— А где работаете?

— Работала в столовой, а сейчас на инкубаторе.

— Идете куда, на ночь глядя?

— А туда же, куда вот и они все. На концерт. Артисты из самой Москвы. Не часто бывает такое...

— Мы везем не концерт, а спектакль.

— Тем более хорошо, — ответила она и спохватилась. — Так это вы?..

5. Автобус, как будто споткнувшись, затих. Нас встречает множество народа, и чуть впереди стоит рослая женщина. Русское лицо, светлые глаза. Улыбается. Протягивая каждому из нас руку, тихо произносит:

— Евдокия Зайчукова. Добро пожаловать.

Так вот ты какая, Евдокия Андреевна Зайчукова — директор совхоза-гиганта! В этом совхозе в прошлом году побывал Никита Сергеевич. Тогда он сказал: «Вот на этом месте хорошо бы построить дворец культуры»...

И через год — дворец. Он перед нами — красивый, белый.

По соседству с нашей комнатой, где мы будем одеваться и гримироваться, кто-то наигрывает на баяне. Вхожу. Паренек лет двадцати сидит — щекой к аккордеону, пальцы щупают клавиши. Я оглядел комнату. Рояль, полный набор духовых инструментов.

— Значит, по слуху?

— Угу, — и положил щеку на аккордеон.

Я вышел. Постепенно стала угадываться мелодия, которую он подбирал: «Хотят ли русские войны»...

6. Зал полон. В фойе тоже полно народа. Все двери открыты: тем, которые в фойе, не видно — хоть услышат.

Дали занавес. Зал и фойе притихли. На сцену пошло дыхание и биение горячих сердец. Пошло-то тепло, о котором говорил в Москве наш бригадир Борис Ульянов.

В антракте разыскали свою знакомую казашку. Она сидела со спящим на руках сыном. «Дайте мальчика нам. Мы будем смотреть за

ним». Сперва не соглашалась, а потом доверила. Теперь все ее внимание будет на сцене.

Весь спектакль спящего на моей театральной шинели мальчишку мы передавали как эстафету: пришедший со сцены смотрел за ним до своего следующего выхода.

Конец спектакля. Зритель аплодирует стоя, долго. Мы счастливы, что доставили радость людям. Из дворца уходим последними. А в музыкальной комнате аккордеон уже уверенно наигрывает все ту же фразу «Хотят ли русские войны»...

7. На улице ночь. В небе полно звезд. Нас пригласили к Евдокии Андреевне. Решили идти пешком, позади медленно ползет автобус.

Со мною рядом идет широкоплечий казах. Пальто расстегнуто, несколько раз на пиджаке блеснула звездочка Героя.

Не удержался, спросил: за что?

— За то, что положено было делать. Ничего особенного...

Пока мы идем, я слушаю рассказ о Евдокии Андреевне.

— О ней есть что сказать, — густым басом говорил мой спутник, — э-э, такой характер! — И, вспомнив что-то, весело засмеялся. — Сюда она приехала в 1954-м. Спала в вагончике. Проснулась как-то утром, а встать не может. Не может оттого, что волосы к полу примерзли. Отрезала ножницами примерзшие волосы...

— Нам смешно, а каково ей было, — заметил я.

— Да она сама смеялась. Это не тот человек, чтобы плакать.

С этими словами мы вошли в небольшой домик. Внутри тепло и уютно. Пока мы «оттаивали», Евдокия Андреевна сама накрывала стол — женщина, хозяйка, человек. Вижу, наши актрисы глаз с нее не сводят: вот сыграть бы такую!

8. Я долго думал, как назвать эти заметки. И вдруг мелькнуло слово — жажда! Передо мной прошли — шофер, который знает «всего Лермонтова»; молодая казашка, идущая пешком за шесть километров на спектакль с сыном на руках; затаивший дыхание переполненный зрительный зал; паренек в музыкальной комнате, упорно подбирающий на аккордеоне мелодию любимейшей песни... Да, огромную жажду прекрасного, тягу к культуре увидели мы, побывав на целине. И подумалось: наша месячная поездка по районам — это всего лишь один маленький глоток жаждущему. Но если бы в наступившем году каждый театр, каждый творческий коллектив, каждое учреждение культуры нашей огромной страны привезли или отправили туда хотя бы по «глотку». Разве не скорее тогда утолили бы мы их жажду?

Ник. ЕМЕЛЬЯНОВ,
артист Театра имени Ленинского комсомола.
МОСКВА —
ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ.

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА